

## Глава 1. Где есть пруд, там будет и ручей

С каких пор берет начало род Куньлунь — неведомо. Сменилось ли множество поколений или счет идет на тысячи лет, доподлинно никто не знает. Орден этот, вдали от суеты Срединных земель, воздвигнут среди облаков и туманов священных гор, и по праву считается оплотом и предводителем всех праведных бессмертных поднебесья.

Нынешний Владыка Тяньду и глава Неба Лазурного Облака, Хань Цзинцин, был когда-то первым учеником самого Главы ордена Куньлунь.

«Великий Куньлунь» — четыре золотых иероглифа, глубоко высеченных в черном граните, высились перед Мо Ханьчи. Казалось, эти камни стояли здесь с сотворения мира, терпеливо дожидаясь появления детей.

Преодолев снежные пустоши и пробившись сквозь неистовый буран, путники наконец увидели впереди две колоссальные черные скалы, уходящие в небо. Если бы у этих юнцов, мечтающих попасть в орден, не было хоть крупинки врожденного таланта, они бы попросту сгнули. Мо Ханьчи оглянулся: бескрайняя белая пелена грозила поглотить любого, кто замешкается.

Между скалами зияла узкая расщелина — лишь одному пройти. Дети выстроились в длинную цепочку и под надзором опытного ученика Куньлуна двинулись вверх по ступеням.

Ветер немного стих, но Ханьчи всё еще пробирала дрожь. Впереди — ни конца, ни края, позади — только холодная мгла. На мгновение мальчишку захлестнуло отчаянное желание бросить всё и вернуться домой.

— Не застывай, шевелись давай! — крикнул кто-то сзади.

Ноги у Ханьчи стали ватными. Преодолев тесную лестницу между скал, он надеялся увидеть цель, но впереди снова тянулись бесконечные ступени. Теперь по бокам не было защитных камней — лишь отвесные кручи, над которыми завывал ветер. Мальчика охватило раскаяние; он замер, не в силах сделать и шага.

В этот момент впереди раздался зычный голос старшего ученика:

— Почти пришли!

Вдруг за спиной Ханьчи взметнулся вихрь. Смазанная алая тень пронеслась прямо над его головой. Когда мальчик снова поднял взгляд, незнакомец уже стоял на самой вершине облачной лестницы. Тот обернулся и посмотрел вниз на тех, кто всё еще из последних сил карабкался по ступеням. Ханьчи задрал голову, слыша восторженные вздохи своих спутников.

Один из наставников одобрительно похлопал юношу по плечу:

— В столь юном возрасте...

Договорить он не успел — подросток холодным, резким жестом стряхнул его руку. Слышно было, как многие в толпе ахнули. Заслужить одобрение наставника Куньлуня считалось великой честью, но этот малец, казалось, ни во что их не ставил.

— Ну и гонор, — вполголоса проворчал Ханьчи, чувствуя, как внутри закипает обида.

Собрав остатки сил, он рванулся вверх, точно ноги его подгонял ветер. Однако, добравшись до верха, он с досадой обнаружил, что всё равно отстал от многих. В душе кольнула зависть к тому наглому мальчишке.

За «Тысячей ступеней» открылась широкая терраса. Неистовая метель здесь внезапно стихла. Над морем облаков медленно поднималось утреннее солнце, освещая тридцать шесть главных пиков Куньлуня, парящих в небесной выси. Три из них пронзали облака, уходя вершинами в запредельные высоты. Обычные люди видели лишь заснеженные горы и считали их пределом мира, но без магических завес взору открылось бы величие, превосходящее любое воображение.

На террасе в строгом порядке сидели семеро старейшин в серо-голубых даосских одеждах. Мо Ханьчи принялся украдкой их разглядывать, невольно сравнивая с тем неряшливым стариком, которому он дома подносил чай. Разница была разительной. Его учитель вечно ходил в лохмотьях и любил подшучивать над учеником, а здесь... Каждый старейшина дышал мудростью и величием истинного бессмертного.

Ханьчи вытянул шею, стараясь рассмотреть всё получше. В самом начале строя детей, гордо выпрямив спину, стоял тот самый юнец, который вызвал у него такую неприязнь.

На нем был ярко-алый шелк с вышитыми серебром карпами, а на шее поблескивал золотой замок-оберег. Сразу видно — сынок из богатой семьи.

— Какая кожа тонкая, белая-белая, — с завистью шепнула сзади какая-то девочка.

— Сразу ясно: тяжелее палочек для еды ничего не поднимал, — буркнул Ханьчи.

— Губы алые, зубы жемчужные, а глаза-то какие... — продолжала та. — Вырастет — скольким девам сердце разобьет.

— Девчонка девчонкой, — фыркнул Ханьчи. — Что в нем хорошего?

— Говорят, талант у него исключительный, и род древний.

— Избалованный барчук, — отрезал Ханьчи, скрестив руки на груди.

Он привлек внимание одного из старейшин своим пристальным взглядом. Ханьчи поспешно опустил голову, пропустив мимо ушей слова распорядителя. Но тут раздался чистый голос:

— Ученик Ло Си приветствует Главу ордена!

Террасу снова захлестнул шепот. Ханьчи вспомнил разговоры, которые слышал в пути. Ло Си обладал невероятным даром — такие таланты рождаются раз в тысячелетие. Глава ордена Даоинь после Хань Цзинцина несколько десятилетий не брал личных учеников, а уж выбирать кого-то прямо из мирских детей было и вовсе неслыханно. Очевидно, на Ло Си возлагали огромные надежды.

Ханьчи поднял глаза и встретился взглядом с Ло Си. Тот посмотрел на него искоса, с едва заметной усмешкой, от которой Ханьчи едва не сорвался с места, чтобы проучить наглеца.

Когда наступил черед других детей, Ханьчи чувствовал лишь нарастающее раздражение. Постепенно учеников распределяли, и ряды редели.

Из шести старейшин остался последний — самый молодой на вид, одетый в простое, даже потрепанное одеяние. Вид у него был такой, будто в Куньлуне он занимал не самое завидное место. Ханьчи совсем приуныл.

Его спутники уже разошлись со своими новыми наставниками. На огромной террасе осталось всего несколько человек. Глава ордена и его избранник Ло Си казались здесь лишним напоминанием о чужой удаче.

Старейшина Даочжэнь, хозяин пика Сяоцанлан-фэн, тепло улыбнулся мальчику:

— Ты можешь пойти со мной на мой пик.

— Прошу прощения, наставник, но я не желаю, — выпалил Ханьчи, стиснув зубы.

— Вот как? — Глава ордена недовольно вскинул бровь.

— Я хочу учиться только у Главы, — Мо Ханьчи упрямо посмотрел на красную фигуру, стоящую по правую руку от великого мастера.

— Что ж, тогда спроси Ло Си, готов ли он уступить тебе место, — Даоинь слегка прищурился, явно забавляясь ситуацией.

Ло Си сжал кулаки так, что побелели костяшки. Он до крови закусил губу, в глазах его блеснули слезы.

— Если учитель настоит на замене, — выдавил он дрожащим голосом, — моя жизнь потеряет всякий смысл. Мне останется только одно — разбиться об эти скалы.

С глухим стуком он упал на колени.

Даоинь, слегка удивленный таким напором, посмотрел на Ло Си.

— Кто привел тебя в Куньлунь?

— Я не знаю этого человека, — бледный как полотно юноша дрожал. Если бы Глава сейчас отверг его, он и впрямь был готов покончить с собой. Без этого шанса месть за семью станет невозможной.

Один из наставников, приведших детей, подошел к Главе и прошептал:

— Нам тоже неизвестно, кто этот мастер. Он лишь сказал, что это последний выживший из семьи Ло из Цзяннани. И пообещал, что Куньлунь примет его.

Даоинь снова внимательно оглядел мальчишку в алом.

— Поднимись. И впредь не смей разбрасываться словами о смерти.

Ханьчи презрительно скривился и снова встрял:

— Раз он не хочет уступать, значит, у меня нет шансов?

Ло Си окинул Ханьчи мимолетным, полным презрения взглядом и коротко усмехнулся.

Ханьчи вспыхнул гневом. Забыв, где находится, «деревенский задира» сорвался с места и нацелился кулаком прямо в холеное лицо Ло Си. Тот едва успел увернуться и спрятаться за спину Главы ордена.

Ханьчи не собирался отступать — не зря же он годами держал в страхе всю округу. Глупый мальчишка в ярости замахнулся даже на самого Даоиня.

В толпе ахнули. Но не успел кулак Ханьчи приблизиться к Главе и на полвершка, как мальчик внезапно замер, не в силах шевельнуть ни пальцем.

— Какой бойкий ребенок! — расхохотался Даоинь. — Но нрав у него дикий, слишком упрям. Даочжэнь, тебе придется потрудиться, чтобы наставить его на путь истинный.

Посмотрев на небо, Глава взмахнул рукавом.

— Время позднее, дети устали. Ступайте в свои обители и отдыхайте.

Над террасой пронеслось стройное: «Повинуемся!». Под ногами Даоиня за клубился туман. Ло Си замер в изумлении.

— Поторопись, — Глава ласково коснулся головы мальчика.

— Да, учитель! — Ло Си встал на облако, всё еще не веря в происходящее.

Мо Ханьчи плелся за Даочжэнем, понурился. На душе было скверно. «Я так грубо отказался идти к нему на пик... Небось, затаил обиду», — со страхом думал он, украдкой поглядывая на наставника.

Внезапно налетел резкий порыв ветра, принесший холодную влагу. Ханьчи передернуло от холода. И тут же на его плечи опустилось тяжелое, согревающее одеяние учителя.

Старейшина Даочжэнь погладил бороду и мягко улыбнулся:

— Ты еще не обрел внутреннюю силу, тебе здесь холодно.

Он небрежно бросил в воздух магический талисман. Тот вспыхнул, и перед ними возник огромный белоснежный журавль.

— Учитель... — впервые в жизни Мо Ханьчи произнес это слово, обращаясь к Даочжэню. Тот удовлетворенно кивнул и, подхватив мальчика за руку, помог ему взобраться на спину птицы.

Пик Малой Лазурной Волны встретил их колышущимся морем изумрудной травы, уходящим за горизонт. Там, где волны зелени стихали, виднелось несколько уютных построек. Ханьчи заметил у входа фигуры людей.

Когда они сошли на землю, мальчик невольно сжался. Заметив его робость, Даочжэнь ободряюще похлопал его по макушке:

— Не бойся. Где же та храбрость, что ты показывал на Террасе Созерцания Небес?

Вдруг на них упала огромная тень. Ханьчи вздрогнул и спрятался за спину учителя,

настороженно выглядывая наружу.

На пике десятилетиями не было новых учеников, и, едва прознав о пополнении, старшие поспешили познакомиться с «младшим братом».

Перед Ханьчи стоял высокий юноша. Мальчик, худой и невысокий, едва доставал ему до пояса. Ханьчи насупился и во все глаза уставился на незнакомца. Тот лучился энергией, точно утреннее солнце.

— Приветствую, учитель! — юноша широко улыбнулся. — Так вот он, наш новый младший брат? Я — Чэн Лан. Ну, скажи: «Здравствуй, старший брат»!

Ханьчи поначалу даже восхитился: широкоплечий, статный, а за спиной — огромный меч, выше самого Ханьчи. Но тон, которым тот заговорил с ним — словно с котенком или щенком, — мгновенно привел мальчика в ярость.

— Учитель, почему он молчит? — разочарованно протянул Чэн Лан, понурился плечи.

— Ханьчи, это твой первый старший брат, — пояснил Даочжэнь. — Теперь вы будете тренироваться вместе.

— Старший брат, — буркнул Ханьчи сквозь зубы.

Он и охнуть не успел, как Чэн Лан, довольно хохотнув, подхватил его под мышки, точно щенка, и одним махом водрузил себе на плечо.

Ханьчи было уже девять лет! Такого унижения его мужское достоинство вынести не могло.

— А ну пусти! — завопил он, отчаянно брыкаясь.

Но Чэн Лан, пропустив его крики мимо ушей, весело припустил к самому большому дому.

<http://bllate.org/book/17550/1708266>